

А. СЕРОВ

Рихард Вагнер и его концерты в Петербурге

Для музыкального критика, более шести лет проповедовавшего на Руси великость значения Вагнера в судьбе музыки вообще, было самым отрадным явлением, было истинным *торжеством* сильное, глубокое впечатление, сряду сделанное Вагнером на петербургскую публику и как дирижером, и как творцом музыкальным.

Приезд Вагнера к нам в Петербург — явление неожиданное, давшее новую, давно уже небывалую жизнь всем музыкальным кругам и кружкам нашей северной столицы. Музыка вообще играет довольно заметную роль в нашей общественной жизни, но, как известно, здравые понятия музыкальные у нас еще весьма немного распространены. Одно только то достоверно — и прием, сделанный Петербургом Рихарду Вагнеру, подкрепил эту достоверность, — что наша публика по своей неподкупности, свежести, отталкивающей все предрассудки, по своей откровенности, по теплоту, прямому сочувствию всему, что истинно хорошо, — первая, лучшая публика в свете.

Уж о Вагнере ли не позаботились подпустить публике тумана невежественные или подкупленные иностранные газетчики! Уж и у нас благодаря жалким отголоскам жалких журнальных пустомель на Западе постарались гениальнейшего художника нашего времени нарядить в дурацкий колпак сумасбродного реформатора, музыканта *будущности* (*musicien de l'avenir, Zukunftsmusiker*). «Уж сколько раз твердили миру», что Вагнер даже не талант, а какой-то сумасшедший честолюбец, пишущий ни для кого непонятные брошюры о каких-то невозможных переворотах в драматической музыке, взявший себе девизом изгнание из музыкального творчества всего, что похоже на мелодию и музыкальную форму, и по своей теории производящий на свет чудовищные оперы, в результате однокачественные с ораториями знаменитого «абиссинского» маэстро.

Но... три года назад в программе симфонических концертов дирекции явились увертюры и хоровые отрывки из оперы Вагнера; публика наша приняла эту прелестную музыку с восторгом. Увертюра к «Тангейзеру», свадебный хор из «Лоэнгина», женский хор (с прялками) из «Моряка-скитальца» сделались положительно *любимыми, обязательными* нумерами симфонических концертов наравне с чудным хором «Славься» и с блестящей «Арагонской хотой» нашего Глинки.

Реакция пустомельства, злобы или тупоумия осталась, конечно, в фельетонах иных газеток и в партии «консерваторов», то есть приверженцев новоучрежденной консерватории (!) и ее директора, но публика, наполняющая залу Большого театра в симфонических концертах, и знать не хотела об этой реакции, аплодировала Вагнеровой музыке преусердно и с неподдельным восхищением в самое то время, когда парижане с ожесточением освистывали «Тангейзера».

Публикуется по: *Серов А.* Статьи о музыке. В 7 выпусках. М., 1990. Вып.6. С. 16–17.

Нынешней весной по приглашению Филармонического общества (NB — а не «Русского музыкального общества» — *ils s'en seraient bien gardés* [оно конечно остереглось бы этого]) явился перед нами сам Вагнер. Не было никаких предварительных реклам, ни зазываний; не было никаких досужих кумовьев, которые бы *à bout portant* (в упор) навязывали билеты. Появилась афиша, что будет исполнена Героическая симфония Бетховена под управлением Вагнера и, разумеется, под его же авторским управлением — несколько отрывков из его опер, частью известных уже нашей публике — из «Тангейзера», «Лоэнгрина» и «Моряка-скитальца», и огромная зала Дворянского собрания едва могла вместить слушателей. Прием знаменитому гостю был сделан самый блестящий. После каждой части симфонии (продирижированной, разумеется, в неслыханном у нас совершенстве), после каждого отрывка из произведений самого Вагнера громовые аплодисменты раздались неумолкаемо. Восхитительная прелюдия к «Лоэнгрину» была по единодушному требованию повторена.

Если б можно было, публика не отказалась бы с наслаждением прослушать эту музыку еще и в третий и в четвертый раз кряду! Во втором концерте — другая симфония Бетховена (c-moll), другие совершенно незнакомые нашей публике произведения Вагнера, — восторг слушателей тот же!

По обстоятельствам Вагнер должен был дать концерт в свою пользу не в зале Дворянского собрания, а в Большом театре. И там — ни одного незанятого местечка! Тьма народу даже на сцене, между музыкантами оркестра и за кулисами... Самая новизна музыки Вагнера, необычайная, неслыханная, невообразимая смелость оркестровки в отрывках из оперы «Валькирия», словно могучий поток, разом увлекла всю массу слушателей до крайних пределов самого пламенного сочувствия. Аплодисменты оглушительные и продолжительные чередовались между публикою и музыкантами оркестра, исполнением своим, в свою очередь, восхитившими самого Вагнера. Прием публики и образцовою ретивостью нашего оркестра Вагнер был тронут до слез. Торжество его было полное.

Итак, никакие запугивания букою «музыкального революционера, музыканта будущности», никакие враждебные пустомельства в наших русских и немецких газетах (газетчики и в Германии и во Франции крепко ратуют *против* Вагнера, как против всякого гения), никакие плевели, посланные партией «консерваторов» (зри выше), *не помогли*, не сбили нашей публики с толку: правда и красота взяли свое. Публику нашу привыкли упрекать в несамостоятельности, в подражательстве Парижу. Где же эта несамостоятельность, где это подражание Парижу? Напротив, горячий энтузиазм к Вагнеру и его делу у нас служит превосходным ручательством, что в нашей публике есть и сознательность и сочувствие к прекрасному, хотя бы наперекор целому свету.

Наша публика, воспитанная, так сказать, в загоне самостоятельной мысли, сама еще не догадывается о своей толковости, о своей львиной силе!

Теперь, когда большинство публики так явно на стороне Вагнера, весьма нелишним будет окинуть беглым взглядом весь круг его произведений и его писаний с тем, чтобы на пользу всех, кто сочувствует *истинной* музыке, была уяснена мысль Вагнера, были уяснены те результаты, до которых он дошел в искусстве.

Предмет такой, в сущности, почти выходит из рамок журнала неспециального по части музыки, но ведь на все есть способ. Помня, что такие статьи пишутся для неспециалистов, постараюсь быть понятным касательно *самого дела*, не вдаваясь в технические подробности. Педантство вообще, щеголянье техникою в печати для каждого преданного «сущности дела» должно быть равно столько же отвратительно, как музыкальная виртуозность, поднятая на аферу и самозванно присваивающая себе разные громкие титулы. Критика художественная «как само искусство» есть служение правде и красоте. А такое священное служение должно строго охранять себя от всего похожего на шарлатанство.

Постараюсь избежать многоглагольства — в нем нет спасения! Но и не буду стеснять себя рамкою слишком тесною. Предмет сам по себе так возвышен и важен, что говорить о нем «слегка» было бы опять преступлением против искусства. Затем до следующей беседы.